

УДК 340.1(045)

*И.А. Кузьмин***КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ НАКАЗАНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)**

Целью статьи является общетеоретическое исследование концептуальных проблем системы правовых наказаний в России. Установлено, что правовые наказания, являясь «ядром» юридической ответственности, в своей совокупности составляют стержневой межотраслевой элемент правоохранительной системы общества. Приводится авторская трактовка правового наказания, отражающая его сущностные и функциональные характеристики. Выявлены причины, обуславливающие объективную потребность в разработке комплексного общетеоретического подхода к определению социального назначения и социальной роли правового наказания как средства достижения состояния безопасности и правопорядка в обществе. Определены основные стратегические ориентиры правотворческой деятельности по выстраиванию и сопровождению системы правовых наказаний. Констатируется отсутствие алгоритма выявления концептуальных проблем системы правовых наказаний, вследствие чего процесс развития указанной системы без программной основы попадает в зависимость от ситуативных, политико-ангажированных и иных временных (в том числе чрезвычайных) обстоятельств. Со ссылками на доктринальные и нормативные источники в России и зарубежных странах, а также материалы судебной практики сформулированы наиболее явные и опасные, по мнению автора, внутренние и внешние факторы, снижающие эффективность системы правовых наказаний в России, которые составляют основу для образования и укоренения ее концептуальных проблем. Предложены конкретные действия по преодолению обозначенных проблем, начиная с этапа научной проработки проблематики и заканчивая конкретными правотворческими и правоприменительными решениями.

Ключевые слова: правовое наказание, система правовых наказаний, Российская Федерация, адекватность правовых наказаний, юридическая ответственность, правовая политика, правотворческая деятельность, правоприменительная деятельность.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-686-694

Правовая система Российской Федерации на современном этапе своего развития находится под воздействием целого комплекса сложных и противоречивых факторов, появление и динамика которых ставит перед юридической наукой сложные вопросы относительно перспектив и препятствий для дальнейшего совершенствования государственно-правовых институтов. Нестабильность социально-политических и идеологических условий функционирования публичных органов и должностных лиц во взаимодействиях между собой и с гражданским обществом (иными негосударственными структурами), также порождает серьезные риски (опасности) для состояния национальной безопасности и правопорядка в нашей стране.

Изложенные и некоторые иные обстоятельства побуждают представителей юридического сообщества вновь и вновь обращаться к основам правовой системы и, в особенности, к ее правоохранительным механизмам, удерживающим весь «каркас» правовых явлений и процессов от разрушительного влияния внешней среды и внутренних дисбалансов / конфликтов. Особую ценность в данном ключе представляют концептуальные разработки в области общей теории права, нацеленные на качественное переосмысление ставших уже привычными категорий, широко используемых в юридической практике, но не раскрывших свой потенциал в силу их недостаточной исследованности. К одной из таких категорий мы относим наказание (правовое наказание), некогда попавшее «в тень» юридической ответственности и постепенно перешедшее из статуса универсального правового средства в разряд отраслевых.

В своих предшествующих размышлениях мы пришли к выводу, что под правовым наказанием следует понимать дополнительно возлагаемые уполномоченным субъектом на правонарушителя негативные лишения (правоограничения), в которых выражается порицание (осуждение) государством соответствующих противоправных деяний. Было установлено повсеместное ослабление правовой составляющей наказания, которая, вопреки своей социально-полезной ориентации, нередко используется в качестве средства политической борьбы, демонстрируя «откат» наказания к своим прежним состояниям – антигуманному, сакральному, нерациональному, карательному и безосновательному [1]. Концентрация научного внимания на общетеоретической проблематике правового наказания необходима в силу ряда причин:

- наличие принципиальных различий между наказанием и юридической ответственностью, находящихся в соотношении «форма» и «содержание»;
- дальнейшее распространение идей и взглядов относительно спорной категории позитивной юридической ответственности, способной существовать вне наказания и нацеленной на будущее правомерное поведение;
- поверхностное понимание в юридической науке и на практике диалектического единства правового наказания и противоправного поведения;
- отсутствие единых, научно-обоснованных и апробированных подходов к выстраиванию системы правовых наказаний и критериев ее эффективности;
- низкий уровень исследованности подсистемы частнопровых наказаний;
- непроработанность основ теории юридической безнаказанности;
- иные причины.

Формирование системы правовых наказаний по многим соображениям – важная задача, стоящая перед любым государством. Критикуя идеологические основы системы наказаний, В.С. Соловьев указывает на непредсказуемость ее содержания, когда бесчеловечно жестокие наказания соседствуют с крайне мягкими. Он ассоциативно рассматривает систему наказаний как антигуманную и безжизненную сделку между возмездием и устрашением [2, с. 454, 458]. А.В. Малько правильно отмечает, что правовая политика в сфере наказаний обладает особой значимостью и находится в процессе своего реформирования, когда наказания устанавливаются, отменяются, ужесточаются или смягчаются. Иными словами, осуществляется постоянная перегруппировка средств наказания под вызовы времени и реалии жизнедеятельности. Между тем концепция единой правовой политики, способная привести упорядоченность, системность и научную обоснованность в данную сферу, так и не была создана [3, с. 17]. Правовед настаивает на общетеоретическом характере категории «наказание», теория которой фактически не разработана, что препятствует полноценному формированию правовой политики в сфере наказаний и, как следствие, влечет непоследовательность законодательных и правоприменительных решений по совершенствованию и обеспечению реализации системы наказаний [4, с. 17].

В рамках выполнения указанной стратегической задачи государство посредством грамотно выстроенной правотворческой политики должно решить следующие вопросы:

- определить «перечень» социально-вредных противоправных деяний, которые оказывают (могут оказать) столь существенное негативное воздействие на систему правоотношений, что их следует запрещать под угрозой применения наказания, тогда как для остальных деликтов достаточно применения иных мер принуждения или даже мер убеждения;
- в целях уточнения объекта государственного принуждения необходимо дифференцировать наказуемые противоправные деяния на виды (подвиды) в рамках тех или иных отраслей права и законодательства, для их выстраивания в согласованную и внутренне непротиворечивую систему;
- на основе специальных исследований продолжить совершенствование подсистем правовых наказаний с предположительно высоким регулятивно-корректирующим эффектом по отношению к поведению субъектов права на основе правовых норм из различных отраслей права и законодательства;
- сопоставить и согласовать между собой подсистемы правовых наказаний для устранения (профилактики) рисков возникновения дисбалансов, пробелов и иных дефектов в областях «примыкания» одних блоков системы наказаний к другим (в особенности, между уголовным и административным правом);
- осуществлять постоянный мониторинг правотворческой и правоприменительной деятельности с целью своевременного отслеживания показателей правовой политики в сфере наказаний;
- инициировать, осуществлять и поддерживать (в том числе посредством «грантовой» деятельности) специализированные исследования в области общей и отраслевой теории права, а также основанные на них образовательные программы;
- решать иные вопросы по совершенствованию и сопровождению системы правовых наказаний в масштабах всей страны, а также принимать политико-правовые решения сообразно ситуациям закрепления и возложения международно-правовых наказаний.

Алгоритм выявления концептуальных проблем системы правовых наказаний в России (и в любом другом государстве) фактически не разработан. Процесс развития рассматриваемой системы имеет ситуативный, зачастую политико-ангажированный характер без четкого понимания содержания и це-

лей (ориентиров) наказаний на уровне общетеоретической, отраслевой и единичной (нормы права) моделей системы наказаний. Исходя из этого, констатация положительной / отрицательной результативности отдельных видов наказаний в структуре какой-либо правовой отрасли стратегически мало перспективна, и не позволяет даже отдаленно подойти к устранению ключевых проблем системы наказаний, носящих глубинный характер. А.С. Родионова уместно заметила, что без системной стратегии в области закрепления наказаний, основанной на выверенной общетеоретической модели, нормативные решения ожидаемо будут иметь низкий уровень эффективности [5, с. 3–4].

О наличии внутренних противоречий, дисбалансов и иных дефектов в системе наказаний РФ свидетельствуют, в частности, следующие обстоятельства.

Во-первых, основной причиной введения новых наказаний является реакция на события, повлекшие причинение существенного (массового) вреда публичным интересам. В данном контексте подразумеваются ситуации, когда давно сформировавшаяся объективная потребность в наказании не реализуется правотворческими органами до момента, когда соответствующие деяния повлекут за собой масштабные негативные последствия. Постоянное игнорирование или откладывание требуемых наказательных мер по принципу русской пословицы «Пока гром не грянет – мужик не перекрестится», с одной стороны, дискредитирует органы власти и их должностных лиц, а с другой стороны – снижает уровень рациональной легитимности. Тем самым сводятся на нет механизмы опережающего правотворчества, оценки регулятивного воздействия, рационального сбора, анализа и оформления статистической информации, а также многие другие. К примеру, давно назревшие и систематически фиксируемые прокуратурой и иными правоохранительными органами нарушения в сфере выполнения гособоронзаказа в большинстве своем выпадали из предмета уголовного права и не подвергались уголовно-правовой квалификации. Это происходило до периода проведения Россией специальной военной операции в 2022 г., пока указанные противоправные деяния не приобрели характер критических и угрожающих национальной безопасности. В итоге, был принят федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ, дополнивший Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. (далее – УК РФ) статьей 201.2, вводящей уголовные наказания за нарушения условий государственных контрактов в сфере реализации гособоронзаказа. Участившиеся в последнее время случаи нападения бездомных (выброшенных) собак на людей, в том числе со смертельным исходом, стали одной из причин принятия федерального закона от 13 июня 2023 г. № 230-ФЗ. Законом были установлены административные наказания за несоблюдение требований к содержанию животных (ст. 8.52 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ – КоАП РФ). Глобальные лесные пожары в Рязанской области (август 2022 г.), Курганской и Свердловской областях (апрель-май 2023 г.), повлекшие гибель людей, массовое задымление городов (повышение пределов концентрации опасных веществ в атмосфере), повреждение домов и инфраструктуры, уничтожение лесных массивов, закономерно привели к тому, что 17 июня 2023 г. на совещании в Правительстве [6] было решено рассмотреть вопрос о целесообразности предусмотреть уголовные наказания за намеренные поджоги сухой растительности и лесных насаждений вне зависимости от ущерба. И это далеко не единичные примеры. Опасность всей обозначенной ситуации выражена, прежде всего, в том, что при отсутствии подобных экстраординарных случаев, наказания не устанавливаются, а правотворческие органы пребывают в уверенности, что потребности в подобных мерах отсутствуют. Таким образом, мы можем наблюдать запаздывание правового реагирования на возникающие и увеличивающиеся риски причинения вреда, которые попадают в поле зрения правотворческих органов после их перехода в разряд прогрессирующих угроз. К примеру, Е.А. Белокрылова обоснованно замечает, что отсутствие должного правового обеспечения экологической безопасности в отношении разработки и применения нанотехнологий указывает на риски и пробелы в праве, которые требуется преодолевать правовыми средствами, в том числе путем установления мер юридической ответственности (наказаний) за нарушение требований в данной сфере [7, с. 191]. Изложенные суждения не касаются взвешенных законодательных решений, основанных на глубокой проработке социально-правовой действительности. Так, давно обсуждаемый и сложный вопрос о введении конституционно-правового наказания в виде прекращения гражданства получил свое разрешение в норме ст. 24 еще не вступившего в силу федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ.

Во-вторых, неработающие, отжившие, морально-устаревшие и фактически вышедшие за рамки сферы правового регулирования наказуемые деяния не исключаются из законодательства, составляя

нормативный балласт и основу для «мертвого права», делая неэффективными наказания за их совершение. Так, по мнению О.А. Пучкова, ответственность (включая наказание), а также регулятивность, разумность и справедливость в своем единстве образуют теоретически-обоснованную и практически-подтвержденную концепцию сущности права, его идею [8, с. 523]. В этом смысле сложно понять общесоциальные причины дальнейшего сохранения административных наказаний за повреждение телефонов-автоматов (ст. 13.24 КоАП РФ), публично-правовой интерес в сохранении которых практически исчерпал себя. О.М. Калинина, оценив неработающие нормы, содержащие наказания за ряд экологических преступлений, признала, что перевод составов этих деяний в разряд административных правонарушений или гражданско-правовых деликтов вполне возможен и отвечает целям принятия взвешенных и обоснованных правотворческих решений [9, с. 47–48]. А.В. Курсаев полагает, что проблемы возникают в отношении запретов, которые ошибочно признаны основой для конструирования состава правонарушения, либо в результате недооценки готовности общества к наличию таких запретов, что ведет к «умерщвлению» соответствующих норм [10, с. 43]. Иными словами, имеется в виду необходимость учета актуальности диалектической связи между наказаниями и фактическими основаниями их применения. Юридическая «ущербность» правонарушения автоматически влечет за собой бесполезность установленного за его совершение правового наказания.

В-третьих, исполнение любого правового наказания должно быть обеспечено не только юридическими средствами и механизмами, но и специальными кадровыми, материальными и иными ресурсами. К примеру, уголовное наказание в виде ареста реализуется в специальных учреждениях уголовно-исполнительной системы, называемых арестными домами. Учитывая, что сеть арестных домов в нашей стране так и не была создана, объективная возможность возложить данное наказание отсутствует. В целом можно согласиться с тем, что «непенитенциарный» режим отбывания многих уголовных наказаний оставляет желать лучшего, как с позиции его правовой конструкции, так и с организационной точки зрения [11, с. 11–13, 47–48, 158]. Существуют сложности: а) с обеспечением участия органов местного самоуправления в организации исполнения административных наказаний в виде обязательных работ, контролем за реализацией дисквалификации в административном праве [12, с. 49–53]; б) некомпетентностью представителей работодателя при возложении дисциплинарных наказаний (взысканий); в) реализацией конституционно-правовой ответственности за неисполнение актов Конституционного Суда РФ [13, с. 15–19] и многое другое (г, д, е...). Государство, устанавливая правовые наказания за нарушения в любых сферах общественной жизни, должно предусмотрительно и на плановой основе и всесторонне обеспечивать их исполнимость, учитывая сопутствующие факторы окружающей среды. В противном случае, руководствуясь принципом «отказа от права на наказание при невозможности обеспечения его надлежащей реализации», правотворческие органы обязаны временно отложить закрепление соответствующих правовых наказаний до создания требуемых условий и достижения степени исполнимости последних.

В-четвертых, схожая правовая природа всех мер, входящих в систему государственного принуждения, обуславливает их взаимопроникновение и даже смешение. Очевидно, что меры профилактики, безопасности и юридической ответственности обладают общими признаками: возлагаются в связи с противоправным поведением, обеспечены принудительной силой, требуют от лиц соблюдения императивной модели поведения и т. д. Тем не менее, длительный характер взаимодействия мер государственного принуждения оказал существенное влияние и на систему правовых наказаний России, в качестве элементов которой стали называться меры, не относящиеся к числу наказаний. Предупреждение как вид административного наказания (ст. 3.4 КоАП РФ) по своему названию и сути имеет целью предупредить совершение лицом новых административных правонарушений и в большей степени относится к административно-предупредительным мерам. В ст. 6 федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ в качестве основных направлений профилактики названо предупреждение правонарушений, безнадзорности, беспризорности и последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Следует отметить, что в главе 5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 г. № 91-3 устное замечание, предупреждение и меры воспитательного воздействия названы профилактическими мерами воздействия. В Кодексе Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128 хотя предупреждение и носит характер административного взыскания, но нацелено на недопущение совершения подобных правонарушений в будущем и применяется

за правонарушения, которые не повлекли вредных последствий (ст. 28). Откровенно-профилактическая направленность усматривается и у таких административных наказаний, как административное приостановление деятельности (ст. 3.12 КоАП РФ) и административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (ст. 13.14 КоАП РФ). В свою очередь ограничение родительских прав в соответствии со ст. 73 Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (которое традиционно рассматривается как вид семейно-правовой ответственности) мы предлагаем относить к мерам безопасности, так как они имеют своей целью оградить ребенка от опасности, вызываемой дальнейшим пребыванием его с родителем (родителями). Длительное сохранение обозначенной опасности может привести к лишению родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса РФ), которое обладает всеми признаками меры семейно-правовой ответственности. Лишение права осуществлять определенную деятельность как вид публично-правового наказания можно рассматривать и как меру профилактики, препятствующую нарушителю повторить в течение определенного времени противоправное деяние, и как меру безопасности общества от соответствующей деятельности, на что в литературе также обращается внимание [14, с. 58–60].

В-пятых, в системе права и системе законодательства встречаются внесистемные правовые наказания. Ввиду особых свойств и характеристик правовые наказания следует систематизировать в специальных источниках и обеспечивать процессуальными механизмами, придавая им статус мер юридической ответственности. Наиболее проблемной в данном плане является подсистема конституционно-правовой ответственности, относительно существования которой практически не возникает сомнений, чего нельзя сказать о ее наполнении и содержании. Конституционно-правовые санкции (наказания) разбросаны по различным нормативным правовым актам и не имеют какого-либо организационного единства. Авторские предложения о необходимости принятия федерального закона «О конституционно-правовой ответственности» (условно) встречаются редко, но неизменно отмечается, что этот вид ответственности применяется в случаях, предусмотренных конституционно-правовыми нормами при отсутствии четкой процессуальной регламентации [15, с. 26]. Какие меры относятся к данной подсистеме ответственности, а какие нет – сказать сложно. Меньшую дискуссию о принадлежности к конституционно-правовой ответственности вызывают такие меры (наказания), как отрешение от должности Президента, отрешение от должности высшего должностного лица субъекта в связи с утратой доверия Президента РФ, голосование по отзыву депутата, члена выборного органа (должностного лица) местного самоуправления и другие. Вступающий в ноябре 2023 г. в силу федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в ст. 24 вводит такую меру ответственности, как прекращение гражданства вследствие совершения преступления. Меры государственного принуждения, отвечающие содержанию и сути наказаний, также предлагаем именовать внесистемными видами. К их числу мы относим конфискацию в уголовном праве (ст. 15.1 УК РФ), которая в нынешнем состоянии названа отдельной мерой уголовно-правового характера, хотя в советском праве конфискация имущества как вид уголовного наказания показала высокую эффективность. С учетом того, что конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения отнесена к административным наказаниям (ст. 3.7 КоАП РФ), такое законодательное решение представляется спорным. Лишение (аннулирование) лицензии или разрешения за допущенные правонарушения по своей природе относится к административным наказаниям, хотя и не названо в их системе. Так, в ст. 20 Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» предусмотрена санкция в виде прекращения права пользования недрами за отдельные правонарушения, которая в арбитражной практике квалифицируется в качестве наказания [16]. Широко применяемое в трудовых правоотношениях «лишение премии», согласно положениям Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, фактически имеет форму свободы (права) усмотрения работодателя в осуществлении мер стимулирующего характера относительно своих работников. Между тем, для самих работников, ожидающих получения периодических стимулирующих выплат, данная мера субъективно воспринимается как наказание. Если же эта мера применяется в ответ на неисполнение (ненадлежащее исполнение) работником своих трудовых обязанностей, то она становится дисциплинарным наказанием (взысканием) объективно. Заметим, что в ст. 198 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3 лишение полностью или частично стимулирующих выплат включено в список дисциплинарных взысканий. Недостаток в систематизации и определении точного перечня мер гражданско-правовой ответственности обнаруживается не только в поло-

жениях гражданского законодательства, но и в разъяснениях высших судов. К примеру, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» от 24 марта 2016 г. № 7 единого понимания подсистемы мер гражданско-правовой ответственности (наказаний) не приведено. Показательным отражением обозначенной ситуации является исследование К.С. Безика, в котором автор убедительно обосновал, что одностороннее изменение (расторжение) договора вследствие его существенного нарушения или в случае причинения вреда другой стороне могут рассматриваться в качестве мер гражданско-правовой ответственности [17, с. 94; 62; 64; 67]. Отсюда вытекает мысль о том, что безусловным приоритетом для законодателя должна стать ревизия нормативного материала и выявление правовых наказаний, «потерянных» для системы, придание им соответствующего статуса и согласование с другими, включая процессуальное обеспечение.

В-шестых, внутри системы правовые наказания не всегда иерархизированы, вступают между собой в противоречия (коллизии), полностью или частично совпадают, либо взаимоисключают друг друга. Так, подобная ситуация наблюдается в отношении таких уголовно-правовых наказаний, как обязательные, исправительные и принудительные работы (ст.ст. 49, 50, 53.1 УК РФ), которые, совпадая по сути, искусственно разграничиваются. С учетом того, что инфраструктурные и организационные условия для должной реализации каждого из видов работ фактически не созданы, потребность в их дальнейшем разграничении вызывает обоснованные вопросы. Относительно выстраивания официальной иерархии наказаний в литературе предлагаются различные критерии: характер и сравнительная тяжесть (А.А. Пионтковский); степень относительной важности (С.В. Познышев); ведущий вид лишения или правоограничения (Н.Ф. Кузнецова) и другие. Иные подходы (основные и дополнительные наказания, наказания в виде лишения личного, имущественного или организационного характера и т. д.) также находят свое отражение в законодательстве и на практике, но имеют подчиненный характер по отношению к критерию тяжести (строгости). Нам представляется, что наказание, независимо от своей отраслевой принадлежности, не должно иметь карательного содержания и тем более восприниматься как сущностная кара. В 2002 г. и 2010 г. в своих посланиях к Федеральному Собранию РФ действующие президенты РФ отмечали, что сила наказания заключается не в жесткости и чрезмерной суровости, а в неотвратимости и справедливости [18; 19]. Против «карательного характера» наказаний также свидетельствуют материалы арбитражной практики [20; 21]. Мы предполагаем, что правовую идею наказания следует искать на стыке вопросов обеспечения безопасности и правопорядка, для достижения которых имеет смысл вести речь не о каре для нарушителя, а о качестве и об интенсивности (объеме) воздействия на его противоправное поведение. С идеологических позиций такой подход является более перспективным, поскольку он смещает ориентацию наказания с «кары» (социального атавизма, основанного на мести и доминировании наказывающего субъекта) на утилитарную установку корректировки девиантного (делинквентного) поведения правонарушителя. Установление содержания и степеней интенсивности воздействия наказаний, равно как и их объективные и субъективные характеристики, нуждаются в междисциплинарном подходе.

В-седьмых, при назначении правовых наказаний правоприменитель не всегда имеет реальную возможность обеспечить адекватность избираемой принудительной меры, посредством учета социально-значимых обстоятельств. Преимущественно, это касается межотраслевого института смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, который наиболее разработан в уголовном и административном праве и практически не развит или неравномерно развит в других отраслях права (особенно в конституционном, трудовом и семейном праве). К примеру, в федеральном законе «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ перечислены обстоятельства, смягчающие и отягчающие дисциплинарную ответственность военнослужащих (ст. 28.5), но в ТК РФ таковые не сформулированы. Между тем, в своих постановлениях Конституционный Суд РФ аргументировано заявляет, что индивидуализация при назначении наказаний напрямую зависит от соблюдения требования соразмерности ответственности, предполагая ее адекватную дифференциацию и учет юридически-значимых обстоятельств [22; 23]. В отдельных ситуациях, для учета соответствующих обстоятельств, не закрепленных в законе, суды прибегают к аналогии права [24], что является скорее исключением, чем общим правилом. При всей широте полномочий судебной системы рассмотренные пробелы и дисбалансы необходимо изначально решать правотворческим путем.

Перечисленные причины и проявления концептуальных проблем системы правовых наказаний в России показательны, но далеко не исчерпывают всей широты и глубины поднятой проблематики. Главным индикатором эффективности правовых наказаний неизменно является достижение ими своих целей, что должно фиксироваться в объективной реальности и отражаться в статистических, социологических и иных специальных материалах. Развитие системы правовых наказаний необходимо синхронизировать с установленными на правотворческом уровне основами правовой политики в сфере наказаний и совместить данный процесс с разработкой теории юридической безнаказанности относительно российского менталитета и современного положения дел в нашем государстве. Здесь нет «несущественных деталей», важна точность формулировок и взвешенный подход к наполнению каждого отдельного наказания и процессуальных (процедурных) механизмов возложения санкций с использованием новейших апробированных правил, средств и приемов правотворческой техники. Первым шагом на пути к совершенствованию системы наказаний должно стать создание ее общетеоретической модели, искусственно отграниченной от системной модели юридической ответственности [25] для обеспечения должной фокусировки на специфическом предмете исследования. С учетом полученных знаний следует подвергнуть пересмотру ряд положений общей теории юридической ответственности и на этой основе – переосмыслить модели отраслевых видов ответственности и наказаний. В дальнейшем уместно поднять вопрос о принятии официального документа «Правовая политика в сфере юридической ответственности (наказания)», на основе которого возникнет возможность приступить к осуществлению последовательных, концептуально-выверенных правотворческих и правоприменительных мер к переработке основ и содержания законодательных положений о системе наказаний в Российской Федерации и накоплению качественного нового правового опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин И.А. Наказание как объект научных исследований: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 200–220.
2. Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
3. Малько А.В. Правовая политика в сфере выстраивания системы наказаний в современной России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 17–20.
4. Малько А.В. Российская правовая политика в сфере наказаний: необходимость формирования концепции // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 15–20.
5. Родионова А.С. Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2013. 34 с.
6. Сопровождение с членами Правительства. Владимир Путин по видеосвязи провел совещание с членами Правительства. 17 мая 2023 г. (14:55) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71146> (дата обращения: 20.06.2023).
7. Белокрылова Е.А. О некоторых правовых проблемах обеспечения экологической безопасности отдельных критических технологий в Российской Федерации и зарубежных странах (на примере нанотехнологий и их продуктов) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2019. Т. 33, вып. 1. С. 187–194.
8. Пучков О.А. Идея права как непознанный феномен правоприменения // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2019. Т. 29, вып. 4. С. 522–529.
9. Калинина О.М. «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 45–48.
10. Курсаев А.В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право: история и современность. 2021. № 1. С. 37–44.
11. Рахматулин З.Р. Непенитенциарный режим ограничения свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2018. 201 с.
12. Арсланбекова А.З. Проблемы исполнения административных наказаний // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия: Общественные науки. 2016. Т. 31, вып. 1. С. 49–55.
13. Леонтьев Е.И. Проблемы механизма исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционно-правовой ответственности за их неисполнение // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37. С. 15–20.

14. Уткин В.А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 58–61.
15. Логинова И.В. К вопросу о конституционно-правовой ответственности // Юридические исследования. 2016. № 5. С. 24–33.
16. Решение Арбитражного Суда Уральского округа от 19 июля 2018 г. [Электронный ресурс]: арбитражное дело № А76-28364/2017 // Портал «Электронное правосудие». Картоoteca арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.06.2023).
17. Безик К.С. Одностороннее изменение и расторжение договоров в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Иркутск, 2011. 220 с.
18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «России надо быть сильной и конкурентоспособной» // Российская газета. 2002. 19 апреля.
19. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 2010. 01 декабря.
20. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05 августа 2021 г. [Электронный ресурс]: арбитражное дело № А38-2263/2020 // Портал «Электронное правосудие». Картоoteca арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).
21. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13 июня 2023 г. № Ф09-3147/2023 [Электронный ресурс]: арбитражное дело № А60-56256/2022 // Портал «Электронное правосудие». Картоoteca арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).
22. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коврицкой : постановление Конституционного Суда РФ от 04 июля 2022 г. № 27-П // Российская газета. 2022. 15 июля.
23. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»: постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2009. № 28. Ст. 3581.
24. Арбитражное дело № А12-10979/2020 // Портал «Электронное правосудие». Картоoteca арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.06.2023).
25. Кузьмин И.А. Системная модель юридической ответственности: монография. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 186 с.

Поступила в редакцию 17.05.2023

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1
E-mail: ipkpr@irmail.ru

I.A. Kuzmin

**CONCEPTUAL PROBLEMS OF THE SYSTEM OF LEGAL PUNISHMENTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION (GENERAL THEORETICAL DIMENSION)**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-4-686-694

The purpose of the article is a general theoretical study of the conceptual problems of the system of legal punishments in Russia. It has been established that legal punishments are elements of the legal protection of society. The author's interpretation of legal punishment is given, reflecting its essential and functional characteristics. The necessity of a general theoretical approach to identifying the social purpose and social role of legal punishment as a means of achieving a state of security and law and order in society is argued. The main strategic guidelines for law-making activities to build and maintain a system of legal punishments are determined. The absence of an algorithm for the main conceptual problems of the system of legal punishments is stated, as a result of which the process of development of this system becomes dependent on situational, politically biased and other temporary (including unpredictable) factors. With references to theoretical and normative sources in Russia and foreign countries, as well as judicial practice, the author names the most dangerous factors for the system of legal punishments. These factors reduce the effectiveness of the system of legal

punishments in Russia and exacerbate its conceptual problems. A step-by-step solution of these problems is proposed.

Keywords: legal punishment, system of legal punishments, Russian Federation, adequacy of legal punishments, legal liability, legal policy, law-making activity, law enforcement activity.

Received 17.05.2023

Kuzmin I.A., Candidate of Law, Associate Professor
Department of Theory and History of State and Law
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Shevtsova st, 1, Irkutsk, Russia, 664035
E-mail: ipkpr@irmail.ru